
УДК 316.32
ББК 60.52
К 70

А.В. Коршунов,
кандидат социологических наук, директор Центра социального проектирования молодежной политики Московского института открытого образования, Москва, E-mail: 5026567@mail.ru

Духовная безопасность в системе обеспечения социальной безопасности российского общества: методологический конструкт социологического исследования
(Рецензирована)

Аннотация. Методологический конструкт исследования социальной безопасности и роли духовной безопасности в ее обеспечении в условиях рискогенности, нестабильности и неопределенности современного российского общества включает рискологическую концепцию и теорию доверия как взаимосвязанные и взаимообусловленные теоретические конструкции. Обоснованию этого методологического инструментария как наиболее адекватного современной специфике развития российского общества и посвящена данная научная статья.

Ключевые слова: безопасность, социальная безопасность, духовная безопасность, угрозы социальной безопасности, методологический конструкт, теория доверия и теория риска.

A. V. Korshunov,
Candidate of Sociology, Director of the Center of Social Design of Youth Policy, Moscow Institute of Open Education, Moscow. E-mail: 5026567@mail.ru

Spiritual security in system of ensuring social security of the Russian society: methodological construction of sociological research

Abstract. Methodological construction of researches on social security and role of spiritual security in its providing in the conditions of risk, instability and uncertainty of modern Russian society includes the riskological concept and the trust theory as the interconnected and intercaused theoretical constructions. This paper substantiates these methodological tools as the most adequate to modern specifics of development of the Russian society.

Keywords: security, social security, spiritual security, threats of social security, methodological construction, the theory of trust, the risk theory.

Духовная составляющая социального благополучия, которое невозможно без преодоления рисков и угроз духовного развития общества, выступает фундаментом социальной стабильности и процветания. Масса проблем, казалось бы, не имеющая прямого отношения к духовной сфере, имеет духовно-нравственное происхождение. Страх, неопределенность, недоверие, равнодушие, жестокость, неуверенность — вот те немногие слова, с помощью которых можно опи-

сать состояние российского общества, вступившего в новую эру — эру «общества риска», в котором россиянам предстоит жить если не всегда, то достаточно долго, пока не сменится парадигма общественного развития, если такое еще возможно в современном мире.

В русле данных размышлений представляется вполне логичным изучение проблемы социальной безопасности и роли духовной безопасности в ее обеспечении в условиях рискогенности,

нестабильности и неопределенности современного российского общества с позиций рискологической парадигмы. В то же время есть только один способ преодолеть риск во всех его проявлениях в современном мире как на макроуровне, так и на микроуровне — это создать атмосферу социального доверия в обществе, начиная с межличностных отношений, заканчивая отношениями народа и власти, власти и бизнеса и т.д. Там, где присутствует доверие, степень риска максимально снижается. И даже если он — риск остается, восприятие его как такового со всеми вытекающими последствиями не происходит.

Рассмотрим ключевые положения данных концепций как основополагающих для исследования духовной безопасности в системе обеспечения социальной безопасности российского общества.

Концепция «общества риска» стала широко известна благодаря работе У. Бека, хотя проблеме риска и рискогенным факторам развития общества посвятили свои исследования и другие известные зарубежные ученые. Тот факт, что современное общество, вступив в эру высоких технологий и технического прогресса, столкнулось с рядом серьезных проблем, позволило У. Беку назвать современное общество обществом риска, которое, по мнению этого автора, является продуктом индустриализма, и, что важнее всего, созданные этим обществом риски, хотя и распределены неравномерно, не знают государственных границ. Риск, в интерпретации У. Бека, представляет собой систематическое взаимодействие с угрозами и опасностями, индуцируемыми и производимыми процессом модернизации [1].

Распространение социальных рисков в современном обществе способствовало тому, что сегодня исследователи риск рассматривают как сущностную характеристику социальной деятельности и социальной реальности. Такой позиции придерживаются многие российские исследователи (А.П. Альгин, В.И. Зубков, Ю.А. Зубок, Н.Л. Смакотина и др.) [2]. Правомочность такой точки зрения доказывают многочисленные проблемы, принявшие гло-

бальный характер в современном мире. Речь идет о глобальности таких проблем, как экологическая, демографическая, международный терроризм и т.д.

Уже не вызывает сомнений тот факт, что рост рисков непосредственно связан с человеческой деятельностью и расширением в современном обществе искусственной, сконструированной человеком среды. Именно это имеет в виду К.Н. Хабибуллин, когда указывает на то, что вовлеченный в систему техногенного производства, человек «не только создает блага, но и производит все новые и новые риски, адаптируясь к опасностям современности» [3].

Формирование рискологической концепции в условиях явного рискологического контекста развития современных социальных отношений и процессов является адекватной научной рефлексией на вызовы современности. Рискологическая проблематика и созданные в рамках ее исследования труды заняли достойное место в системе научного знания. Среди наиболее известных работ в этом направлении, по достоинству рассматривающихся как основа теории риска в социологической науке, следует назвать, прежде всего, работы таких мастеров социологии, как Никлас Луман, Энтони Гидденс и др.

Именно Э. Гидденс верно подметил, что мыслить в понятиях риска и оценки риска стало более или менее постоянным занятием, отчасти даже незаметным для современных людей [4]. Следовательно, сама жизнь, полная риска, уже становится нормальным явлением и обычным состоянием современного человека, не замечающего, что он живет в «обществе риска».

В социологии понятие «социальный риск» рассматривается через призму таких смысловых связей, как: риск — безопасность, риск — неопределенность. В первом случае риск понимается как стремление избежать возможных потерь, что позволяет обеспечить тем самым определенную степень безопасности. Во втором случае риск выступает следствием непредвиденности ущерба, потерь в результате того или иного выбора.

В современной отечественной социологии риска понятие «риск» рассматривается как способ снятия неопределенности в результате практического превращения возможностей в действительность, разрешения противоречий при многовариантном развитии событий [5]. Хотя в целом, если обобщить существующие подходы к пониманию риска в социологии, выделяются три значения этого термина: риск как опасность, угроза; риск как вероятность определенных возможностей, т.е. риск трактуется как ситуация выбора; риск как способ снятия состояния, ситуации неопределенности путем реализации имеющихся возможностей в реальность.

Именно в третьем варианте значения этого термина, с акцентированием на тесной связи риска с ситуацией неопределенности, дается отечественными учеными определение риска, приведенное нами выше. Это, на наш взгляд, одно из самых удачных и наиболее адекватных определений социального риска, ибо высокая степень неопределенности социального бытия в современном мире делает риск повседневным, вездесущим и необходимым для жизненной самореализации.

Для нашего исследования важны все три интерпретации данного понятия, поскольку риск, безусловно, представляет определенную опасность, угрожающую безопасности индивида, общества. Но, с другой стороны, ситуация неопределенности диктует потребность в ее преодолении и достижении определенности как ситуации стабильности и уверенности, т.е. безопасности. Достичь этого состояния часто невозможно без риска. Делая тот или иной выбор как на индивидуальном, так и общественном уровне, субъекты выбора в определенной степени рискуют, так как не могут гарантировать результат выбора с высокой точностью, а иногда он и вовсе не просматривается.

Так происходит в эпоху коренных трансформаций, когда неопределенность становится самой ощутимой реальностью общественного развития, а при превращении возможностей в дей-

ствительность с целью снятия ситуации неопределенности последствия могут быть различные: как позитивные, так и негативные, что указывает на вероятностный характер риска.

Стремительные изменения в общественной жизни России, вызванные сменой политического курса и разрушением идеологического фундамента страны, ее государственных границ и ментальных оснований, сильно подорвали жизнеспособность российского социума, который утратил способность противостоять рискам и угрозам как внешнего, так и внутреннего характера. Российское общество рассыпается на многочисленные фрагменты, в которых отражаются различные ценностные системы, жизненные интересы и стратегии, идеалы и образцы. Некогда сплоченный российский народ утратил свою высокую степень интегрированности. Ксенофобия, мигрантофобия, межпоколенческая дискриминация и т.д. и т.п. — вот те явления, которые характеризуют облик современного российского общества. Риски проникли во все социальные структуры и институты, разрушая изнутри основы жизнеспособности российского общества.

Интенсивность и острота социальных рисков повышается в обществе трансформационного типа, так как кризисное состояние основных социальных институтов (семьи, образования, политики, экономики, культуры и т.д.) как результат социальной трансформации не способно оградить общество от социальных рисков, а также предоставить индивидам возможности для эффективной, лишенной высокой степени риска реализации жизненных планов, потребностей и интересов. Конечно же, зоны риска существуют в любом обществе, даже в экономически развитом и процветающем, как потенциально возможная сфера, область появления рисков, однако, в трансформирующемся обществе зона риска существует реально и является реальным источником угроз социальной безопасности.

В.Н. Кузнецов под культурой безопасности предлагает понимать процесс сохранения развития целей, идеалов,

ценностей, норм и традиций человека, семьи и общества; справедливости; социальных институтов и сетей; обеспечения устойчивого и конструктивного взаимодействия людей с защищенностью их от неприемлемых рисков, угроз, опасностей и вызовов; эффективного предотвращения угроз на основе опережающей стратегической партнерской культуры компромисса [6]. Другими словами, важнейшей составляющей культуры безопасности выступает культура доверия, которая в контексте концепции безопасности может быть представлена как степень значимости и действенности в обществе на его определенном этапе развития ценности доверия и доверительных отношений в системе социальных связей и взаимодействий, определяющая отношение индивидов и общества в целом к проблеме формирования доверительных отношений как необходимого условия обеспечения социальной безопасности.

Доверие, по мнению Н. Лумана, носит циркулярный характер, является основанием образования социальных систем, в силу чего выступает «универсальным социальным фактом» в отношении создания стратегии надежности, определения ее потенциала и запасов [7], хотя при наличии элементов взаимного риска как результата взаимодействия сторон (индивидов, власти и граждан и т.д.). С этой точки зрения в социологии принято употреблять термин «социальное доверие». Длительный путь становления этого понятия в науке связан с именами известных социологов — М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, П. Штомпки, Ф. Фукуямы и др.

Следуя логике нашего исследования и представленных выше идейных пассажей, социальное доверие предстает в виде социального механизма обеспечения социальной безопасности общества и личности в условиях социальной неопределенности, нестабильности и рискогенности. Получается, что доверие способно неопределенность трансформировать в определенную форму определенности в виде формирования чувства уверенности в себе, окружающих людях, организациях, обществе

в целом. Тогда уверенность становится синонимом доверию, что соответствует воззрениям Э. Гидденса, но противоречит точке зрения А. Селигмена. Если Э. Гидденс предпочитает рассматривать доверие как проявление уверенности, выделяя при этом два типа доверия: доверие к людям и доверие к абстрактным системам, то А. Селигмен не склонен к подобному обобщению и придерживается дифференцированного подхода к интерпретации связки понятий «уверенность-доверие», считая, что именно разрушение уверенности, ввиду изменения ролевой структуры и ролевого характера социальных взаимодействий, роста ролевой неопределенности и непрозрачности, стало источником появления доверия как специфического социокультурного явления. Таким образом, согласно точке зрения этого исследователя, разрушение уверенности не только не приводит к потере доверия, но, напротив, становится импульсом для развития доверия как необходимого основания формирования толерантных установок в обществе, утратившем уверенность как ключевой механизм редукции социальной неопределенности [8].

Таким образом, духовная составляющая социального благополучия как фундамент социальной безопасности предполагает преодоление социальных рисков в современном российском обществе как на макроуровне, так и на микроуровне, что возможно на основе реинституционализации социального доверия, так как наличие высокого уровня доверия в обществе снижает степень риска, прежде всего, за счет изменения восприятия самого риска, остающегося в пространстве социальных взаимодействий. С этой точки зрения вполне логичным и обоснованным выглядит предложенный нами методологический конструкт исследования социальной безопасности и роли духовной безопасности в ее обеспечении в условиях рискогенности, нестабильности и неопределенности современного российского общества, включающий рискологическую концепцию и теорию доверия как взаимосвязанные и взаимообусловленные теоретические конструкции.

Примечания:

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. М.: Мысль, 1989; Зубков В.И. Проблемное поле социологической теории риска // Социологические исследования. 2001. №6; Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007; Смакотина Н.Л. Основы социологии нестабильности и риска: философский, социологический и социально-психологический аспекты. М.: МИЭМ, 1999; Терен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии: пер. с фр. М.: Научный мир, 1998 и другие.
3. Хабибуллин К.Н. Динамика факторов риска и профилактика здоровья населения // Социологические исследования. 2005. №6. С. 142.
4. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность / пер. С.П. Баньковской // THESIS. 1994. №5; Луман Н. Понятие риска / пер. А.Ф. Филиппова // THESIS. 1994. №5 и др.
5. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М., 2001. С. 17.
6. Кузнецов В.Н. Доверие, честность и справедливость в глобальной повестке дня на 2009 год, посвященной Великой Победе в войне 1941-1945 годов против фашизма // Смысл Великой Победы: материалы к обсуждению на методологическом межфакультетском семинаре. М., 2009. С. 42.
7. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории: пер. с нем. СПб.: Наука, 2007. С. 183.
8. Цит. по: Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 12.

References:

1. Beck U. Risk society. Towards a New Modernity. M.: Progress-Traditsiya, 2000.
2. Algin A.P. Risk and its role in public life. M.: Mysl, 1989; Zubkov V.I. Problem field of the sociological theory of risk // Sociological researches. 2001. No. 6; Zubok Yu.A. Phenomen of risk in sociology: experience of research of youth. M.: Mysl, 2007; Smakotina N.L. Foundations of sociology of instability and risk: philosophical, sociological, social and psychological aspects. M.: MIEM, 1999; Touraine A. Return of a man of action. Sociology essay: transl. from French. M.: Nauchny mir, 1998. Etc.
3. Khabibulin K.N. Dynamics of risk factors and disease prevention of population // Sociological researches. 2005. No. 6. P. 142.
4. Giddens E. Fate, risk and safety / transl. by Bankovsky // THESIS. 1994. No. 5; Luhmann N. Concept of risk / transl. by A.F. Filippova // THESIS. 1994. No. 5, etc.
5. Tchuprov V.I., Zubok Yu.A., Williams K. Youth in the society of risk. M., 2001. P. 17.
6. Kuznetsov V.N. Trust, honesty and justice in the global agenda for 2009, devoted to Great Victory in the war of 1941-1945 against fascism // The meaning of the Great Victory: materials for the discussion at the methodological interfaculty seminar. M., 2009. P. 42.
7. Luhmann N. Social systems. Sketch of the general theory: transl. from German. SPb.: Nauka, 2007. P. 183.
8. Quoted on: Seligman A. Credibility problem. M.: Ideya-Press, 2002. P. 12.